

КАРЛОС КАСТАНЕДА

• Огонь Изнутри •

СОФИЯ

Карлос Сезар Арана Кастанеда

Огонь Изнутри

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39848809

К. Кастанеда. Огонь Изнутри: ООО Издательство «София»; Москва;

2014

ISBN 978-5-399-00607-9

Аннотация

«Огонь изнутри» – полный переворот в восприятии учения дона Хуана. Кастанеда вспоминает, сдвигая свою точку сборки в те же состояния повышенного осознания, в каких проходило его обучение. Он обретает свою целостность. Мы снова встречаемся с доном Хуаном и знакомимся с потрясающей концепцией «мелких тиранов» – возможностью рассматривать любую негативную ситуацию в качестве средства обучения и избавления от чувства собственной важности.

Будь внимателен, читатель. Всего лишь понимание этой концепции полностью изменит твоё восприятие мира и твою жизнь – конечно же, к лучшему.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1. Новые видящие	13
Глава 2. Мелкие тираны	27
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Карлос Кастанеда

Огонь Изнутри

Carlos Castaneda

The Fire from Within

© 1984 by Carlos Castaneda

© ООО Издательство «София», 2014

* * *

Я хочу выразить мою благодарность и признательность великому учителю Н.У.Л. за его помощь в восстановлении моей энергии и за то, что он научил меня альтернативному способу обретения полноты и благополучия.

Предисловие

Мои предыдущие книги были подробными отчетами, в которых я описывал свое ученичество у дон Хуана – индейского мага из Мексики. Дон Хуан хотел, чтобы я понял и усвоил понятия и практические методы, бывшие для меня поначалу совершенно чуждыми. Поэтому мне не оставалось ничего другого, как только представить его учение в виде повествования о том, что происходило, ничего не изменяя и не добавляя от себя.

В основе метода обучения, которым пользовался дон Хуан, лежала концепция двух типов человеческого осознания. Он обозначил их терминами «правая сторона» и «левая сторона». Дон Хуан говорил, что правостороннее осознание – это нормальное состояние человеческого сознания, необходимое для адекватного функционирования в повседневной жизни. В левостороннем же осознании заключено все, что есть в человеческом существе загадочного. Левостороннее осознание – это состояние сознания, в котором человек действует как маг и *видящий*. Соответственно классификации типов осознания дон Хуан разделял свои методы обучения на две части – методика для обучения правой стороны и методика для обучения левой стороны.

Все инструкции для правой стороны дон Хуан давал мне, когда я находился в состоянии нормального осознания. Опи-

санию именно этой части обучения и посвящены мои предыдущие книги. Дон Хуан сообщил мне, что он маг, когда я был в обычном состоянии осознания. Он также познакомил меня с другим магом – доном Хенаро Флоресом. Из того, какие взаимоотношения установились между нами, логически вытекало, что они взяли меня в ученики.

Это ученичество закончилось непостижимым действием, к выполнению которого подготовили меня дон Хуан и дон Хенаро. Они сделали так, что я смог прыгнуть с вершины плоской горы в пропасть.

Все, что произошло там, на вершине, описано в одной из моих книг. Это был последний акт драмы, которой являлось учение дон Хуана для правой стороны. Он был разыгран доном Хуаном, доном Хенаро, двумя их учениками – Паблито и Нестором и мною. Паблито, Нестор и я прыгнули тогда с вершины в пропасть.

Прошли годы, в течение которых я был уверен, что для подавления рационального страха, возникшего во мне перед лицом реального уничтожения, было достаточно только лишь моей абсолютной веры в дон Хуана и дон Хенаро. Сейчас я знаю, что это не так. Секрет моего непостижимо-го поступка заключался в учении дон Хуана для левостороннего осознания. Теперь я отдаю себе отчет в том, какая огромная дисциплина и настойчивость требовались для того, чтобы передать мне это учение.

Прошло десять лет, прежде чем мне удалось в точно-

сти вспомнить все, что происходило, когда дон Хуан проводил обучение для левой стороны, результатом которого явилось ощущение настоящей потребности совершить столь непостижимое действие, как прыжок в пропасть.

Именно в учении для левой стороны заключался основной смысл того, что дон Хуан, дон Хенаро и их помощники делали со мной на самом деле. И именно там лежала разгадка того, кем они на самом деле были. Они вовсе не обучали меня магии, но передавали мне учение совершенного владения тремя аспектами древнего знания, которыми обладали сами. *Осознание, stalking и намерение* – так называются эти три аспекта. Сами же дон Хуан, дон Хенаро и их помощники не были магами. Они именовали себя *видящими*. А дон Хуан, кроме того, был еще и Нагвалем.

Многое из того, что касалось понятий «видение» и «Нагваль», дон Хуан объяснил мне еще в учении для правой стороны. Насколько я тогда понял, *видение* является способностью человеческого существа расширить поле своего восприятия до состояния, в котором воспринимается не только облик и образ, но также внутренняя сущность любого объекта и явления. Дон Хуан также рассказывал мне, что *видящие видят* человека как поле энергии, образующее светящийся объект яйцеобразной формы. У большинства людей это «яйцо» разделено на две части. Однако некоторые мужчины и женщины состоят из четырех или трех частей. Эти люди более жизнеспособны и энергетичны, чем обычные. Научив-

шись *видеть*, они могут стать Нагвалями.

В своем учении для левой стороны дон Хуан развернул передо мной всю сложность понятий «видение» и «Нагваль». Быть Нагвалем, говорил он, это нечто гораздо более емкое и значительное, чем просто быть особо жизнеспособным человеком, который научился *видеть*. Быть Нагвалем – значит быть лидером, учителем, быть тем, кто ведет и указывает путь.

В качестве Нагваля дон Хуан возглавлял группу *видящих*. Согласно традиции, такая группа называется отрядом или *партией* Нагваля. В партию дона Хуана входили восемь женщин-*видящих* – Сесилия, Делия, Эрмелинда, Кармела, Нелида, Флоринда, Зулейка и Зойла; трое *видящих*-мужчин – Висенте, Сильвио Мануэль и Хенаро; а также четыре *курьера*, или вестника, – Эмилито, Хуан Тума, Марта и Тереза.

Дон Хуан не только возглавлял свою команду, но также обучал и вел группу *видящих*-учеников. Это был новый отряд следующего Нагваля. Он состоял из четверых молодых мужчин – Паблито, Нестора, Элихио, Бениньо – и пяти женщин – Соледад, Ла Горды, Лидии, Хосефины и Розы. Номинальным лидером новой команды Нагваля являлся я совместно с женщиной-Нагваль по имени Кэрол.

Чтобы быть в состоянии воспринять учение дона Хуана для левой стороны, мне нужно было входить в совершенно особое состояние пронзительной ясности восприятия. Это состояние называется «состоянием повышенного

осознания». В это состояние меня вводил дон Хуан. В течение всех лет нашего с ним общения он использовал для этого особый удар ладонью по верхней части моей спины.

Как объяснял дон Хуан, в состоянии повышенного осознания ученик может вести себя так же естественно, как в обычной жизни, но его разум способен при этом концентрироваться на чем угодно с потрясающей силой и ясностью. Однако неотъемлемым свойством состояния повышенного осознания является то, что оно не связано с правосторонней памятью. Поэтому, возвратившись в свое обычное состояние, ученик не был способен вспомнить ничего из того, что происходило, когда он находился в состоянии повышенного осознания. Для того же, чтобы качества и силы, обретенные учеником в состоянии повышенного осознания, стали частью его обычного состояния, он должен все *вспомнить*. А это требует многолетних усилий, связанных с постоянным, зачастую разрушительным напряжением.

То, что происходило между мной и командой Нагваля, является наглядным примером трудностей, связанных с восстановлением в памяти информации, полученной в состоянии повышенного осознания. С каждым из них, за исключением дона Хенаро, я контактировал только в этом состоянии. Поэтому в своей повседневной жизни я не мог вспомнить ни одного из этих людей – они не являлись мне даже тенями во сне. То, каким образом мы с ними каждый раз встречались, стало своего рода ритуалом. Я неизменно приезжал к дому

дона Хенаро в небольшом городке на юге Мексики. К нам с доном Хенаро сразу же присоединился дон Хуан, и втроем мы проходили ту или иную часть учения для *правой стороны*. Затем дон Хуан изменял уровень моего осознания, и только после этого мы отправлялись в соседний городок, где жил сам дон Хуан и остальные пятнадцать *видящих*.

Каждый раз, входя в состояние повышенного осознания, я не переставал изумляться тому, насколько различны две стороны моего существа. Ощущение всегда было таким, словно с моих глаз спадала пелена – как будто я был почти слеп и вдруг ко мне мгновенно возвращалось острое зрение. Меня охватывало ни с чем не сравнимое ощущение свободы и всеобъемлющей радости. Это было так не похоже ни на что, когда-либо мною пережитое, и в то же время в этом ощущении присутствовало пугающее чувство глубокой печали и тоски – чувство, неотделимое от свободы и радости. Дон Хуан говорил, что без печали и тоски полнота недостижима. Без них не может быть завершенности, ибо не может быть ни доброты, ни уравновешенности. А мудрость без доброты и знание без уравновешенности бесполезны, говорил дон Хуан.

В соответствии с построением учения для *левой стороны* требовалось, чтобы дон Хуан совместно с некоторыми из своих помощников-*видящих* раскрыл передо мною три грани своего знания: овладение *искусством осознания*, овладение *искусством сталкинга* и овладение *намерением*.

Данная книга посвящена овладению *искусством осозна-*

ния, которое является частью полного комплекса учения для левой стороны, комплекса, использованного доном Хуаном для того, чтобы подготовить меня к умопомрачительному поступку – прыжку в пропасть.

Все, о чем здесь идет речь, я воспринимал, находясь в состоянии повышенного осознания. Поэтому описанные в книге события как бы выпадают из канвы повседневной жизни. Им не хватает событийного контекста, несмотря даже на то, что я со своей стороны сделал все возможное, пытаюсь восполнить пробелы и в то же время ничего не добавлять от себя. Дело в том, что, находясь в состоянии повышенного осознания, человек в минимальной степени отдает себе отчет в происходящем вокруг него, поскольку все его восприятие целиком сконцентрировано на непосредственных деталях действия, в которое он вовлечен.

В данном случае действием, в которое я был вовлечен, являлось обучение *искусству осознания*. Термином «искусство осознания» дон Хуан обозначал современную интерпретацию исключительно древней традиции. Эту традицию он называл «традицией древних *видящих*-Толтеков».

Несмотря на то что дон Хуан чувствовал свою неразрывную связь с этой древней традицией, себя он относил к числу «видящих нового цикла». Когда я как-то спросил его, чем же собственно отличаются видящие нового цикла, он ответил, что они – воины свободы. Они довели владение искусством осознания, искусством сталкинга и намерением до та-

кой степени совершенства, что даже смерть не способна выследить и поймать их, как ловит она всех остальных людей. Воины полной свободы сами выбирают время и способ своего ухода из этого мира. И когда выбранный миг наступает, приходит огонь изнутри, и они сгорают в нем, исчезая с лица земли, свободные, словно их никогда здесь не было.

Глава 1. Новые видящие

Я вышел из машины, подошел к скамейке и сел рядом с ним. Он сказал, что приехал в город по делам и остановился в маленькой частной гостинице, где найдется место и для меня. Мы немного поговорили о моей работе, о проблемах мира академической науки.

Удар между лопаток я получил, разумеется, в самый неожиданный момент. Дон Хуан всегда использовал этот прием, чтобы сдвинуть мое восприятие в область повышенного осознания.

Мы долго сидели молча. Я с нетерпением ждал, когда же дон Хуан наконец заговорит, и все же его первые слова застали меня врасплох.

– За много веков до того, как в Мексику пришли испанцы, – произнес дон Хуан, – здесь жили необыкновенные люди – Толтеки, *видящие*. Они были способны на невероятные, непостижимые вещи. Эти *видящие* были последним звеном длинной цепи знания, передававшегося в течение тысячелетий.

– Толтеки были воистину необыкновенными людьми, – продолжал он, – могучими магами, мрачными и скрытными. Им удалось разгадать тайны знания, с помощью которого они преследовали других людей и полностью подчиняли их своей воле. Для этого они фиксировали на чем-нибудь – по сво-

ему выбору – осознание своих жертв.

Дон Хуан замолчал и пристально посмотрел на меня. Я чувствовал, что он ждет вопроса, но не знал, о чем спрашивать.

Тогда он продолжил:

– Я должен подчеркнуть важный момент. Эти маги знали, как фиксировать осознание своих жертв. Ты не обратил на это внимания, потому что для тебя мои слова ничего не значили. Это не удивительно, ибо сам факт возможности манипулировать осознанием относится к разряду вещей, которые труднее всего укладываются в сознании.

Я был в замешательстве. Я знал, что он старается к чему-то меня подвести. Появилось неприятное предчувствие – оно уже было мне знакомо, поскольку неизменно возникало вначале каждого нового этапа обучения.

Я сообщил дону Хуану о том, что со мной происходит. Он слегка улыбнулся. Обычно его улыбка излучала радость и веселье, но на этот раз в ней была озабоченность. Какое-то время он, казалось, колебался – продолжать или нет. Он еще раз пристально посмотрел на меня, медленно переводя взгляд вдоль всего моего тела. Затем с явным удовлетворением кивнул и заявил, что я готов к последнему этапу обучения, через который должен пройти каждый из воинов, прежде чем принять решение о своей готовности к самостоятельному пути. Я был заинтригован более, чем когда-либо.

– Ну что ж, поговорим об осознании, – сказал дон Ху-

ан. – *Видящие*–Толтеки были непревзойденными мастерами искусства осознания. Когда я говорю о том, что они знали, как фиксировать осознание своих жертв, я имею в виду следующее: их секретные знания и практики позволили им проникнуть в тайну осознания как явления и процесса. Значительная часть этих практик сохранилась до сих пор, но, к счастью, в модифицированном виде. Позже я объясню тебе, почему то, что делали древние *видящие*, не привело их к свободе, а стало для них роковым.

– А ты сам знаком с этими практиками? – спросил я.

– Конечно, – ответил дон Хуан. – Мы не можем их не знать. Однако это не означает, что мы ими пользуемся. У нас другие взгляды, другой подход. Ведь мы принадлежим к новому циклу.

Я спросил:

– И ты не считаешь себя магом, дон Хуан?

– Не считаю, – ответил он. – Я – воин, который *видит*. А все мы – «лос нуэвос видентес» – *новые видящие*. Магами были *древние видящие*.

– Обычный человек, – продолжал дон Хуан, – воспринимает магию как нечто скорее отрицательное, тем не менее она его привлекает. Именно поэтому, когда ты находился в состоянии нормального осознания, я сделал так, чтобы ты считал нас магами. Так рекомендуется поступать, чтобы пробудить интерес. **Но для нас магия – это тупик.**

Мне хотелось узнать, что он имеет в виду, но дон Хуан

отказался говорить на эту тему. Он сказал, что все встанет на свои места по мере того, как он будет рассказывать об осознании.

Потом я спросил его об истоках толтекского знания.

– Первый шаг по пути знания Толтеки сделали, поедая *растения силы*, – ответил дон Хуан, – из любопытства, от голода или по ошибке. Остальное было лишь вопросом времени. Рано или поздно кто-то из них занялся анализом своих ощущений. Я полагаю, что эти первые Толтеки были чрезвычайно отважными людьми, но они очень сильно ошибались.

– Дон Хуан, а что, если все это – твои личные домыслы?

– Нет. Это не мои личные домыслы. Я – *видящий*. Когда я фокусирую силу своего *видения* на том далеком времени, я *знаю* в точности все, что тогда происходило.

– И ты можешь *видеть* прошлое во всех его подробностях? – спросил я.

– *Видение* – это прямое знание, – ответил дон Хуан. – Ты *знаешь* то, что *видишь*, без тени сомнения. В данном случае мне доподлинно известно, что именно делали те люди, не только благодаря *видению*, но также и потому, что между нами и ими существует тесная связь.

Затем дон Хуан объяснил, что под термином «Толтек» он понимает вовсе не то, что я. Для меня толтеки были представителями определенной культуры – Толтекской империи, для него – «людьми знания».

Дон Хуан рассказал мне, что в те далекие времена – за

сотни, а может быть и за тысячи, лет до Конкисты (завоевания Центральной Америки испанцами) – эти *люди знания* жили в пределах довольно обширной области, простиравшейся на север и на юг от долины Мехико. Они занимались специфическими видами деятельности – целительством, колдовством, ритуальными танцами, гаданием и прорицаниями, приготовлением пищи и напитков. Благодаря такому направлению деятельности у них выработалась особая мудрость, которая отличала их от обычных людей. Однако Толтеки не были оторваны от социума, более того, они входили в структуру повседневной жизни людей в значительной степени, подобно тому как в структуру повседневной жизни современного общества входят врачи, учителя, священники и торговцы. Толтеки практиковали каждый свое профессиональное искусство под строгим контролем организованных братств, приобретая все более высокую квалификацию и все большее могущество. В конце концов их влияние сделалось настолько сильным, что они даже стали доминировать над этническими группами, расселявшимися за пределами географической области, занятой Толтеками. После того как некоторые из этих людей научились *видеть* – а на это ушли столетия экспериментов с *растениями силы*, – наиболее предприимчивые из них взялись за обучение *видению* других *людей знания*. И это стало началом их конца. С течением времени *видящих* становилось все больше и больше, но все они были одержимы тем, что *видели*, ибо то, что они ви-

дели, наполняло их благоговением и страхом. В конце концов их одержимость приобрела такие масштабы, что они перестали быть *людьми знания*. Их мастерство в искусстве *видения* стало необыкновенным, они были способны управлять всем, что находилось в тех странных мирах, которые они созерцали. Но все это не имело никакой практической ценности. *Видение* подорвало силу этих людей и сделало их одержимыми *увиденным*.

– Однако среди *видящих* были и такие, которым удалось избежать этой участи, – продолжал дон Хуан. – Это были великие люди. Несмотря на свое *видение*, они оставались *людьми знания*. Некоторые из них находили способы положительного использования *видения* и учили этому других людей. Я убежден, что под их руководством жители целых городов уходили в другие миры, чтобы никогда сюда не вернуться.

Те же *видящие*, которые умели только *видеть*, были обречены. И когда на их землю пришли завоеватели, они оказались такими же незащитными, как и все остальные.

– Завоеватели, – говорил дон Хуан, – покорили мир Толтеков. Они присвоили себе все. Но они так никогда и не научились *видеть*.

– Но почему ты полагаешь, что они так и не научились *видеть*?

– Потому что они копировали толтекскую практику вслепую, не обладая внутренним знанием, которым владели Тол-

теки. До сих пор по всей Мексике встречается множество магов – последователей тех завоевателей. Они следуют по пути Толтеков, но понятия не имеют ни о том, что сами делают, ни о том, о чем говорят, поскольку не являются *видящими*.

– Кто были эти завоеватели, дон Хуан?

– Индейцы других племен, – ответил он. – К тому времени, когда здесь появились испанцы, с момента исчезновения *древних видящих* прошли столетия. Но уже возникло новое поколение *видящих* – *видящие нового цикла*.

– Что ты имеешь в виду под новым поколением *видящих*?

– После того как мир первых Толтеков был разрушен, те *видящие*, кому удалось выжить, ушли в подполье и принялись за серьезнейший пересмотр своих практических методов. И первое, что они сделали, – выделили *сталкинг*, *сновидение* и *намерение* в качестве ключевых техник, в то же время сильно ограничив применение *растений силы*. Это, кстати, может послужить нам намеком на то, что в действительности случилось с ними из-за *растений силы*.

Когда пришли испанские захватчики, новый цикл еще только сформировался. К счастью, *новые видящие* успели как следует подготовиться к такого рода опасности. Они уже стали непревзойденными мастерами *искусства сталкинга*.

Последовавшие за этим столетия порабощения обеспечили *новым видящим* идеальные условия для дальнейшего совершенствования своего мастерства. Это может показаться довольно странным, но именно исключительная суровость и

жестокость тех времен дали им импульс к выработке новых принципов. А благодаря тому, что они никогда не афишировали свою деятельность, их оставили в покое, так что они получили возможность разобраться в своих находках.

Я спросил:

– Много ли было *видящих* во времена Конкисты?

– Поначалу – да. Но к концу осталась горсточка. Остальных уничтожили.

– А в наше время, дон Хуан?

– Немного. Видишь ли, они как бы растворены повсюду в общей массе людей.

– Ты знаешь кого-нибудь? – спросил я.

– На такой простой вопрос очень трудно ответить. Некоторых мы знаем достаточно хорошо. Но они отличаются от нас, поскольку сосредоточились на других аспектах знания – таких, как танец, целительство, колдовство, заговоры, – а не на *сталкинге, сновидении и намерении*, как советуют *новые видящие*. С теми же, кто в точности похож на нас, наши пути никогда не пересекаются. Так устроили еще те *видящие*, которые жили во времена Конкисты, – чтобы избежать полного истребления испанцами. Каждый из тех *видящих* основал свою линию. Не каждая из них имела последователей, так что лишь немногие сохранились до наших дней.

– Но ты лично знаком с кем-нибудь, кто в точности похож на нас?

– С некоторыми, – лаконично ответил он.

Тогда я попросил его дать мне как можно более полную информацию об этих людях. Меня это очень заинтересовало, поскольку появилась возможность получить подтверждение со стороны. Мне было важно узнать, кто эти люди и можно ли их найти.

Однако дон Хуан явно не собирался идти мне навстречу. Он сказал:

– Знаешь, *новые видящие* уже прошли через это. Они достаточно занимались поисками подтверждения. Добрая половина их на этом погорела – они запутались в подтверждениях и погибли, так и не сумев выбраться из этих дебрей. Так что теперь все мы – одинокие птицы. И давай оставим все как есть. Наша линия – единственная, о которой мы с тобой можем говорить. Но зато об этом можно говорить сколько угодно.

Затем дон Хуан объяснил, что все линии были основаны *видящими* в одно и то же время и по одному и тому же образцу. В конце шестнадцатого века каждый Нагваль намеренно изолировал себя и свою группу *видящих*, полностью исключив возможность каких бы то ни было явных контактов с *видящими* других групп. Следствием такого резкого разделения было образование отдельных изолированных линий, каждая из которых обладала своими специфическими чертами. Наша линия состояла из четырнадцати Нагвалей и ста двадцати шести *видящих*. Некоторые из этих Нагвалей имели в своих группах всего по семь *видящих*, некоторые – по

одиннадцать, а некоторые – по пятнадцать.

Дон Хуан рассказал мне, что его учителем – он говорил «бенефактором» – был Нагваль Хулиан, а перед ним был Нагваль Элиас. Я спросил, известны ли ему имена всех четырнадцати Нагвалей, и он перечислил их по порядку, чтобы я смог запомнить. Он добавил, что лично был знаком с пятнадцатью *видящими*, составлявшими партию его бенефактора, и что он знал также учителя своего бенефактора – Нагваля Элиаса – и одиннадцать *видящих* его отряда.

По словам дона Хуана, наша линия была особенной, поскольку в 1723 году претерпела резкое изменение. Причиной этого изменения явилось внешнее воздействие, которое очень сильно нас затронуло и резко изменило общее направление развития линии. О том, что это было за событие, дон Хуан говорить не захотел. Он только отметил, что именно тот момент принято считать новым началом линии, поскольку восемь Нагвалей, возглавлявших ее после этого, были принципиально отличны от шести, бывших до них.

* * *

У дона Хуана в тот день были какие-то дела, поэтому я не видел его практически до полудня. Тем временем в городе появились трое из его учеников – Паблито, Нестор и Ла Горда. Они ездили по магазинам, покупая инструменты и материалы для столярной мастерской Паблито. Я присоединился

к ним и помогал, пока они не купили все необходимое. Затем мы вместе отправились в гостиницу.

Мы сидели и разговаривали у меня в номере, когда появился дон Хуан. Он сообщил, что после обеда мы уезжаем, но прежде он намерен кое о чем переговорить со мной наедине. Он назначил всем встречу в ресторане и сказал, что до этого мы с ним вдвоем прогуляемся по центральной площади.

Паблито с Нестором встали и вышли, сославшись на дела и сказав, что присоединятся к нам в ресторане. Лицо Ла Горды выражало крайнее недовольство.

– О чем это вы там собираетесь разговаривать? – выпалила она, но тут же поняла свой промах и захихикала.

Дон Хуан холодно взглянул на нее, но не произнес ни слова.

Несколько ободренная его молчанием, Ла Горда заметила, что мы могли бы взять ее с собой. Она заверила нас, что ни в малейшей степени не собирается нам мешать.

– Нисколько в этом не сомневаюсь, – ответил дон Хуан, – однако, видишь ли, дело в том, что я намерен говорить конкретно с ним и действительно не хочу, чтобы ты слышала хоть слово из нашей беседы.

Ла Горда пришла в ярость, и это было очевидно. Она вспыхнула, а когда мы с доном Хуаном выходили из номера, лицо ее мгновенно исказила гримаса напряжения и беспокойства. Рот ее был полуоткрыт, губы пересохли.

Настроение Ла Горды меня весьма беспокоило. Возникло явственное ощущение дискомфорта. Я ничего не говорил по этому поводу, но от внимания дона Хуана мое состояние, похоже, не ускользнуло, и он неожиданно произнес:

– Знаешь, ты должен день и ночь благодарить Ла Горду. Она помогает тебе разделаться с твоим чувством собственной важности. Ла Горда в твоей жизни выполняет роль мелкого тирана, но ты этого еще не понял.

Мы прогуливались по скверу на площади, пока вся моя нервозность не улетучилась. Затем сели на любимую скамейку дона Хуана.

– На самом деле *древним видящим* удивительно повезло, – начал дон Хуан, – у них было предостаточно времени на то, чтобы узнать замечательные вещи. Уверяю тебя, они владели знанием о таких чудесах, которые сегодня невозможно себе даже вообразить.

– Но кто их всему этому научил? – спросил я.

– Никто. Они узнали все самостоятельно посредством *видения*, – ответил он. – Львиная доля всего, что известно нашей линии, была найдена ими. *Древние видящие* допускали ошибки. *Новые видящие* эти ошибки исправили. Но корни всего, что мы знаем и делаем, уходят далеко в глубины времен древних Толтеков.

И он объяснил, что имеется в виду.

– Одна из наиболее простых и в то же время наиболее важных с точки зрения обучения находок *древних видящих* за-

ключалась в том, что они обнаружили: человек обладает двумя типами осознания. *Древние видящие* называли их *правой и левой сторонами* человеческого существа.

– Они также обнаружили, – продолжал дон Хуан, – что наилучшим способом передачи их знаний является обучение в состоянии, когда восприятие ученика сдвинуто влево, то есть когда ученик находится в состоянии повышенного осознания. Именно в этом состоянии происходит реальное обучение. *Древним видящим* отдавали в науку совсем маленьких детей, поэтому их ученики не знали иного образа жизни. Когда они вырастали, то, в свою очередь, брали в ученики маленьких детей. Можно только вообразить, на что же они вышли, столетиями непрерывно сосредоточиваясь на сдвигах влево-вправо!

Я заметил, что меня эти сдвиги приводят в глубокое замешательство. Дон Хуан сказал, что мое восприятие этих вещей очень похоже на его собственное. Его бенефактору – Нагвалю Хулиану – удалось сформировать в его психике глубочайший раскол, сдвигая его восприятие туда и обратно – из одного типа осознания в другой. Насколько разительным был этот контраст между ясностью и свободой состояния повышенного осознания – и рациональной мотивацией, защитными рефлексам, злостью и страхом, присущими нормальному состоянию осознания!

Древние видящие использовали такую полярность восприятия в своих узкоспециализированных целях: этим они

заставляли учеников достигать глубокого сосредоточения, необходимого для освоения магических приемов. Однако *новые видящие* пользуются этим иначе: приводят своих учеников к глубокому убеждению в том, что человек обладает огромнейшим потенциалом нереализованных возможностей.

– Высшее достижение *новых видящих*, – продолжал дон Хуан, – заключается в их объяснении тайны осознания. Они оформили это объяснение в виде ряда понятий и практических действий, которым ученик обучается, находясь в состоянии повышенного осознания.

Особая же ценность метода обучения, применяемого новыми видящими, заключается в невозможности запомнить что-либо из того, что происходит с человеком в состоянии повышенного осознания. Тем самым воздвигается почти непреодолимый барьер на пути воина, который должен вспомнить все, чему его учили, если намерен продолжить путь. Воин мучительно пытается вспомнить. На это уходят годы – долгие годы борьбы и железной дисциплины. Но к тому времени, когда это ему удастся, понятия и приемы, которым его учили, уже настолько глубоко внедряются в его существо, что обретают ту силу, которой они должны обладать по замыслу новых видящих.

Глава 2. Мелкие тираны

Прошло несколько месяцев. За все это время дон Хуан ни разу не вернулся к теме овладения искусством осознания.

В тот день мы находились в доме, где жил отряд Нагваля.

– Пойдем-ка прогуляемся, – сказал дон Хуан, положив руку мне на плечо. – Или, еще лучше, пойдем на площадь – там сейчас много людей, – сядем где-нибудь и поговорим.

Я удивился этому предложению, так как находился в доме уже пару дней, но он со мной практически не общался, только приветствовал мимоходом.

Когда мы выходили из дома, путь нам преградила Ла Горда. Она потребовала, чтобы мы взяли ее с собой. Было похоже, что на этот раз она не намерена мириться с отказом. Но дон Хуан очень жестко сказал ей, что у него со мной предполагается сугубо личный разговор.

– Вы собираетесь говорить обо мне, – произнесла Ла Горда с выражением подозрительности и крайнего раздражения в голосе и жестах.

– Точно. Именно о тебе, – сухо подтвердил дон Хуан и прошел мимо Ла Горды, даже не взглянув в ее сторону.

Я последовал за ним. Мы молча дошли до городской площади. Когда мы сели на скамейку, я спросил, почему мы вдруг будем говорить о Ла Горде. Перед моими глазами все еще стояло ее лицо с выражением немой угрозы, когда мы

покидали дом.

– Мы не собираемся обсуждать ее или кого бы то ни было другого, – ответил дон Хуан. – Просто ее чувство собственной важности практически безгранично, а мои слова были провокацией. И это сработало. Сейчас Ла Горда в бешенстве. Насколько я ее знаю, к этому моменту она уже достаточно себя накрутила и испытывает праведный гнев по поводу того, что ее так беспардонно отшили и выставили душой. Я не удивлюсь, если она вскоре явится и набросится на нас прямо здесь, на этой скамейке.

– Но если мы не собираемся беседовать о Ла Горде, то что же мы тогда будем обсуждать? – спросил я.

– Мы продолжим разговор, однажды начатый в Оахаке, – ответил дон Хуан. – От тебя потребуется полное напряжение всех твоих сил и огромная устремленность в осуществлении сдвигов в одну и в другую сторону между уровнями осознания. Иначе объяснения осознания тебе не понять. Поэтому во время нашей беседы я требую от тебя полнейшей концентрации и терпения.

Почти жалобно я сообщил ему, что, отказываясь говорить со мной на протяжении последних двух дней, он заставил меня чувствовать себя очень неудобно. Дон Хуан взглянул на меня, вскинув брови. По губам его пробежала усмешка, которая тут же исчезла. Я понял: он дает мне понять, что я ничем не лучше Ла Горды.

– Я провоцировал твоё чувство собственной важности, –

подмигнув, сообщил он. — Чувство собственной важности — главнейший и самый могущественный из наших врагов. Подумай вот о чем: нас уязвляют и обижают действия либо посягательства со стороны наших ближних и это нас ослабляет. Наше чувство собственной важности заставляет нас почти все время чувствовать себя кем-то оскорбленными или на кого-то обиженными.

Новые видящие рекомендуют направлять все возможные усилия на искоренение чувства собственной важности из жизни воина. Я постоянно следовал и следую этим рекомендациям. И значительная часть моих действий в отношении тебя направлена на то, чтобы ты увидел — **лишившись чувства собственной важности, мы становимся неуязвимыми.**

Я внимательно слушал. Вдруг глаза дона Хуана заискрились, и я подумал, что он, похоже, вот-вот рассмеется. Явной причины на то вроде бы не было, но не успел я сообразить, в чем же дело, как внезапно был огорошен резкой, звонкой и весьма болезненной затрещиной слева.

Я вскочил со скамейки. Сзади стояла Ла Горда со все еще поднятой рукой. Лицо ее гневно пылало.

— А теперь — теперь можете говорить обо мне все, что хотите! По крайней мере сейчас у вас есть повод! — заорала она. — Однако, если вам есть что сказать, скажите мне это прямо в лицо!

Этот взрыв словно исчерпал все ее силы, потому что она

опустилась на асфальт и заплакала. Дон Хуан застыл на месте с выражением невыразимого ликования на лице. Меня же сковала бешеная ярость. Бросив на меня свирепый взгляд, Ла Горда повернулась к дону Хуану и смиренно промямлила, что мы не вправе ее критиковать.

Дон Хуан хохотал. Он сложился пополам. Он почти рухнул на землю. Два-три раза он пытался что-то сказать мне, но в конце концов просто повернулся и двинулся прочь, то и дело сотрясаясь всем телом в приступах гомерического хохота.

Я ринулся было за ним, все еще охваченный негодованием в адрес Ла Горды – в тот момент я презирал ее, – как вдруг со мной произошло нечто необычайное. Я понял, что именно так забавляло дона Хуана. Мы с Ла Гордой были похожи до ужаса! Мы оба обладали совершенно монументальным чувством собственной важности. И мое удивление, и моя ярость по поводу пощечины в точности соответствовали гневу и подозрительности Ла Горды. Дон Хуан был абсолютно прав – чувство собственной важности действительно является ужасным бременем!

И я побежал вслед за доном Хуаном со слезами радости, которые текли по моим щекам. Я догнал его и рассказал о том, что осознал за миг до этого. Его глаза светились озорным блеском удовлетворения.

– Ну что мне делать с Ла Гордой? – спросил я.

– Ничего, – ответил он. – Осознание – дело сугубо личное.

Он сменил тему, сообщив мне, что знаки говорят о том, что продолжить беседу мы должны у него дома – либо в большой комнате с удобными креслами, либо на заднем двореике, окруженном крытой галереей. Дон Хуан объяснил, что, когда он кому-нибудь что-либо объясняет в одном из этих двух мест, никто другой туда не входит.

Мы вернулись в дом. Там дон Хуан рассказал всем о поступке Ла Горды. Все *видящие* принялись подтрунивать над Ла Гордой, делая это с явным удовольствием, что поставило Ла Горду в крайне незавидное положение.

– Щепетильность и тактичность – не помощники в борьбе с чувством собственной важности, – пояснил дон Хуан в ответ на мое выражение озабоченности по поводу положения Ла Горды.

Потом он попросил всех покинуть комнату. Мы сели, и дон Хуан начал объяснять.

Он сказал, что *видящих*, как древних, так и новых, можно разделить на две категории. К первой относятся те, кто стремится практиковать самообладание и способен направить свою деятельность в русло достижения прагматических целей, несущих благо другим *видящим* и человеку вообще. Другая категория – это те, кому нет дела до самообладания и достижения прагматических целей. Среди *видящих* принято считать, что тем, кто составляет вторую категорию, не удалось справиться с проблемой чувства собственной важности.

– Чувство собственной важности, – пояснил дон Хуан, –

не является чем-то простым и незамысловатым. С одной стороны, это сердцевина всего лучшего, что в нас есть. А с другой – сердцевина всей нашей внутренней гнили. И потому методика избавления от этого гнилостного аспекта чувства собственной важности в каждом случае является поистине стратегическим шедевром. И во все века *видящие* с глубочайшим восхищением относились к тем, кому удалось это совершить.

Я пожаловался, что идея избавления от чувства собственной важности кажется для меня привлекательной, но его указания на этот счет слишком туманны и поэтому я не могу им следовать.

На это дон Хуан ответил:

– Я уже не раз говорил тебе: тот, кто встал на путь знания, должен обладать огромным воображением. Видишь ли, на этом пути ничто не бывает таким ясным, как нам бы того хотелось.

Я почувствовал дискомфорт и стал спорить. Я заявил, что его указания напоминают мне постулаты католической веры и что после того, как мне всю жизнь твердили о греховности и грехе, я сделался невосприимчивым к подобного рода вещам.

– Для воина борьба с чувством собственной важности – не принцип, а чисто стратегический вопрос, – ответил дон Хуан. – Твоя ошибка заключается вот в чем: то, что я говорю, ты рассматриваешь с точки зрения нравственности.

– И я действительно считаю тебя человеком высоконравственным, дон Хуан.

– Ты просто заметил мою *безупречность*. И это все, – произнес он.

– Безупречность, равно как избавление от чувства собственной важности, – понятия слишком неопределенные, чтобы представлять для меня какую-то практическую ценность, – заметил я.

Дон Хуан чуть не задохнулся от смеха, и я в вызывающем тоне потребовал от него объяснения того, что такое безупречность.

– *Безупречность* есть не более чем правильное использование энергии, – сказал он. – И все, что я говорю, к вопросам морали и нравственности не имеет ни малейшего отношения. Я обладаю энергией, и это делает меня неуязвимым. Чтобы понять это, тебе необходимо самому накопить достаточное количество энергии.

Довольно долго мы молчали. Мне хотелось обдумать сказанное доном Хуаном. Неожиданно он снова заговорил:

– Воин производит стратегическую инвентаризацию. Он составляет список всего, что делает. А затем решает, какие пункты этого перечня можно изменить, чтобы дать себе передышку в расходовании энергии.

Я возразил, что в такой перечень должно входить все, что только есть под солнцем. Дон Хуан терпеливо пояснил, что стратегической инвентаризации, о которой идет речь, под-

вергаются только те поведенческие шаблоны, которые не являются существенными с точки зрения выживания и благополучия.

Тут я буквально подскочил. Какая возможность! И я принялся говорить о том, что выживание и благополучие – категории, допускающие бесконечное количество толкований, и потому прийти к сколь-нибудь определенному соглашению относительно того, что считать существенным, а что – несущественным с точки зрения выживания и благополучия, попросту невозможно!

По мере того как я говорил, я начал терять исходный импульс. В конце концов я умолк, так как осознал всю несерьезность своей аргументации.

Дон Хуан ответил, что в стратегическом инвентарном списке воина чувство собственной важности фигурирует в качестве самого энергоемкого фактора. Отсюда и усилия, которые воин прилагает для его искоренения.

– Одна из первейших забот воина – высвободить эту энергию для того, чтобы использовать ее при встрече с неизвестным, – продолжал дон Хуан. – Безупречность как раз и является тем, посредством чего осуществляется такое перераспределение энергии.

Наиболее эффективную стратегию, по словам дона Хуана, выработали *видящие* времен Конкисты – великие мастера искусства *сталкинга*. Эту стратегию составляют шесть взаимодействующих между собой элементов. Пять из них на-

зываются атрибутами образа жизни воина: контроль, дисциплина, выдержка, чувство времени и *воля*. Все они относятся к миру воина, ведущего битву с чувством собственной важности. Шестой же элемент – наиболее, пожалуй, важный из всех – относится к внешнему миру и называется *мелким тираном*.

Дон Хуан замолчал и взглянул на меня, как бы спрашивая, все ли я понял.

– Я, знаешь ли, весьма озадачен, – произнес я. – Ты все говоришь, что Ла Горда – мелкий тиран моей жизни. Но что же все-таки такое – «мелкий тиран»?

– Мучитель. Мелкий тиран – это мучитель, – объяснил дон Хуан. – Некто либо обладающий властью над жизнью и смертью воина, либо просто раздражающий его до безумия.

Дон Хуан говорил это с лучезарной улыбкой. Он сообщил мне, что *новые видящие* разработали собственную классификацию мелких тиранов, и, несмотря на то, что речь идет едва ли не о самых важных и серьезных вещах, классификация эта не лишена юмора. Дон Хуан заверил меня, что какую бы из классификаций, разработанных *новыми видящими*, мы не взяли, в ней всегда будет присутствовать оттенок юмора, потому что смех – единственный способ противостоять пристрастию человеческого сознания к инвентарным спискам и громоздким классификационным перечням.

Сообразно своей практике *новые видящие* поставили во главу классификационного перечня тиранов то, что является

основой всего, – первичный источник энергии. Поскольку он является единственным и полноправным правителем всей Вселенной, они называли его просто *Тираном*. Естественно, любые другие деспоты и диктаторы стоят неизмеримо ниже категории *Тирана*. По сравнению с источником всего сущего самые могущественные и беспощадные тираны рода человеческого являются жалкими шутами и потому относятся к категории «мелких тиранов» – «пинчес тиранос».

Кроме того, существует еще два подкласса малых мелких тиранов. Первый подкласс составляют мелкие тираны, во власти которых всячески преследовать человека и даже довести его до нищеты, но которые не могут непосредственно лишить его жизни. Их называют «мелкие тиранчики» – «пинчес тиранитос». Второй подкласс состоит из мелких тиранов, которые просто бесконечно раздражают и надоедают. Их название: «мелюзговые тиранчики» – «репинчес тиранитос» или «крошечные тиранишки» – «пинчес тиранитос чикититос».

Мне эта его классификация показалась нелепой. Я был уверен, что испанская терминология – плод его импровизации. Я спросил его, так ли это.

– А вот и нет! – словно забавляясь, ответил дон Хуан. – *Новые видящие* – большие мастера по части составления классификаций. И Хенаро, вне всякого сомнения, один из величайших. Так что, если ты внимательно за ним понаблюдаешь, ты в точности поймешь, как *новые видящие* относят-

ся к своим классификациям.

Когда я спросил, не водит ли он меня за нос, дон Хуан раскатисто захохотал.

– У меня и в мыслях этого не было! – произнес он с улыбкой на лице. – Хенаро, конечно, на такое способен, но я – нет, тем более что мне известно твое отношение к классификациям. Просто *новые видящие* ужасно непочтительны.

Потом он добавил, что в подкласс мелюзговых тиранчиков входят четыре их категории. Первая – те, что мучают посредством жестокости и насилия. Вторая – те, кто своей хитростью и нечестностью создают невыносимую обстановку неуверенности и постоянных опасений. Третья категория мелюзговых тиранчиков вызывает к жалости – эти терроризируют посредством своего собственного страдания. Ну и последняя категория – те, которые просто приводят воина в бешенство.

– Ла Горда – это отдельный класс, – продолжал дон Хуан. – *Активный мелюзговый тиранчик*. Она смертельно тебя раздражает и к тому же приводит в бешенство. И даже дает затрещины! Всем этим она учит тебя отрешенности.

– Но это – ерунда! – воскликнул я.

– Ты пока что не свел воедино все составляющие стратегии *новых видящих*, – возразил он. – А когда ты это сделаешь, ты поймешь, насколько эффективным и толковым приемом является использование *мелкого тирана*. Более того, я бы даже сказал так: такая стратегия не только позволяет из-

бавиться от чувства собственной важности, но также готовит воина к окончательному осознанию того факта, что на пути знания в зачет идет только *безупречность*.

Разрабатывая свою стратегию, *новые видящие* имели в виду смертельный номер, в котором мелкий тиран подобен горному пику, атрибуты образа жизни воина – альпинистам, которые должны встретиться на его вершине.

– Обычно в игре участвуют только четыре атрибута, – продолжал дон Хуан. – Пятый – *воля* – всегда находится в запасе на случай, так сказать, рукопашной схватки.

– А почему так?

– Потому что *воля* принадлежит к иной сфере бытия. Она относится к *неизвестному*. Остальные четыре относятся к сфере известного. И там же обитают мелкие тираны. По сути, в мелкого тирана человек превращается вследствие своего маниакального пристрастия к власти в широком смысле слова, то есть – к возможности быть правителем в сфере *известного*.

Далее дон Хуан объяснил мне, что заставить вступить во взаимодействие все пять составляющих способен только *видящий*, который, кроме того, является также истинным воином и мастерски владеет *волей*. Организация такого взаимодействия – сложнейший прием, абсолютно недоступный для обычного человека в его нормальном состоянии.

– Вообще-то, чтобы справиться с самым худшим из мелких тиранов, достаточно четырех составляющих, – продол-

жал дон Хуан. – При условии, конечно, что мелкого тирана удалось отыскать. Я уже говорил – мелкий тиран является внешним элементом и относится к тому, чем мы не можем управлять непосредственно. И в то же время этот элемент – самый важный. Мой бенефактор часто говорил, что воин, которому удалось случайно наткнуться на мелкого тирана, – просто счастливчик. Он имел в виду, что, если мелкий тиран сам возник на твоём пути, тебе крупно повезло. Потому что в противном случае тебе придется покинуть насиженное место и отправиться на поиски своего мелкого тирана.

Затем дон Хуан рассказал мне, что одним из важнейших достижений *видящих* времен Конкисты было открытие конструкции, которую он назвал «трехфазной прогрессией». Постигнув человеческую природу, *видящие* того времени смогли прийти к неоспоримому заключению: если *видящий* способен добиться своего, имея дело с мелким тираном, то он определенно сможет без вреда для себя встретиться с неизвестным и даже выстоять в столкновении с непознаваемым.

– Обычный человек, – продолжал дон Хуан, – расположил бы эти три утверждения в обратном порядке. Тогда получится, что *видящий*, способный остаться самим собой в столкновении с неизвестным, гарантированно может справляться с мелкими тиранами. Но в действительности это не так. Именно из-за этой ошибки погибли многие великолепные *видящие* древности. Однако теперь мы в этом разобрались получ-

ше. И знаем – ничто так не закаляет дух воина, как необходимость иметь дело с невыносимыми людьми, обладающими реальной властью и силой. Это – совершенный вызов. Только в таких условиях воин обретает уравновешенность и ясность, без которых невозможно выдержать натиск непознаваемого.

Я принялся бурно выражать свое несогласие. Я сказал дону Хуану, что, по моему мнению, тиран может только сделать свою жертву либо абсолютно беспомощной и жалкой, либо такой же злобной и жестокой, как он сам. Я сослался на множество работ по изучению физических и психологических опытов воздействия на психологию жертвы.

– Да, но ты сам только что сформулировал то, чем обусловлено принципиальное различие, – парировал дон Хуан. – Ты говоришь о *жертве*, а не о войне. Когда-то в отношении этого вопроса я испытывал такие же чувства, какие ты испытываешь сейчас. Потом я расскажу тебе, что заставило меня измениться, но вначале давай вернемся ко временам Конкисты. *Видящие* тех времен даже мечтать не могли о лучших условиях. Испанцы были мелкими тиранами, в столкновении с которыми *видящие* испытывали свое мастерство в самом полном объеме, до предела. Натренировавшись же на завоевателях, они могли иметь дело с чем угодно. *Видящим* тех времен крупно повезло. Мелких тиранов тогда было полным-полно и встречались они повсеместно.

Да, но те замечательные времена изобилия давно про-

шли, и теперь дело обстоит несколько иначе. Больше никогда здесь не было мелких тиранов такого масштаба, поскольку неограниченной их власть была лишь тогда. А ведь мелкий тиран, обладающий неограниченными правами и возможностями, – это идеальный компонент для создания выдающегося *видящего*.

Так что в наше время *видящим* приходится идти на крайние меры, чтобы отыскать нечто достойное внимания. И тем не менее в большинстве случаев им приходится удовлетворяться крохотными тиранчиками.

– А как тебе удалось найти своего мелкого тирана, дон Хуан?

– Мне повезло. Он сам нашел меня – великолепный мелкий тиран, прямо-таки королевский экземпляр. Правда, отношение мое ко всему этому было тогда похоже на твое нынешнее. Так что счастливымчиком я себя отнюдь не ощущал.

И дон Хуан рассказал, как началось его испытание – за несколько недель до того, как он встретил своего бенефактора. В то время дону Хуану исполнилось двадцать. Он устроился чернорабочим на сахарную фабрику. Найти работу, на которой требовались сильные мускулы, не было для него проблемой, поскольку он всегда отличался завидной физической силой. Однажды, когда он был занят перетаскиванием тяжелых мешков с сахаром, он заметил очень хорошо одетую женщину. На вид ей было лет за сорок. Дон Хуану она показалась очень властной. Проходя мимо, она взгля-

нула на дона Хуана, потом что-то сказала управляющему и ушла. Управляющий подошел к дону Хуану и сказал, что за плату может помочь ему получить работу в доме владельца фабрики. Дон Хуан ответил, что у него нет денег. Управляющий с улыбкой сказал ему, что насчет этого беспокоиться не следует: скоро день зарплаты и тогда у дона Хуана будет достаточная сумма, чтобы расплатиться. Потом управляющий похлопал его по спине, сказав, что получить работу в доме хозяина – большая честь.

В то время дон Хуан был обычным невежественным индейским парнем. Кроме денег на еду и одежду, его в общем-то ничто не интересовало. Поэтому он не только поверил каждому слову, но и решил, что фортуна наконец-то повернулась к нему лицом. Он пообещал управляющему, что заплатит столько, сколько тот пожелает. Управляющий назвал сумму – очень большую – и сказал, что дон Хуан может выплачивать ее по частям.

Как только договоренность была достигнута, управляющий сразу же сам отвел дона Хуана в дом, находившийся довольно далеко от города. Там управляющий передал его другому управляющему – огромному, мрачному типу отвратительной наружности. Тот принялся задавать множество вопросов. Особенно его интересовало, есть ли у дона Хуана семья. Когда же дон Хуан ответил, что у него нет никого, управляющий от удовольствия даже расплылся в улыбке, обнажив гнилые зубы.

Он заверил дона Хуана, что зарплата будет высокой и тот даже сможет накопить немного денег, поскольку тратить их будет некуда – ведь и жить, и питаться предстоит прямо в доме.

Смех, который за этим последовал, поверг дона Хуана в ужас. Он понял, что нужно немедленно бежать. Он рванулся было к воротам, но его новый управляющий с револьвером в руке преградил ему путь.

– Тебя взяли сюда, чтобы ты работал до изнеможения, – сказал он. – Заруби это себе на носу.

И он развернул дона Хуана на сто восемьдесят градусов, огрев его при этом дубинкой. Затем отвел к дому и велел выкорчевать два огромных пня, предварительно заметив, что работают здесь без выходных от зари и до заката, без перерывов. Еще он сказал, что пристрелит дона Хуана, если тот попытается бежать или пожалуется властям. Если же ему все-таки удастся ускользнуть и подать жалобу, то управляющий под присягой заявит, что дон Хуан пытался убить хозяина фабрики.

– Ты будешь вкалывать, пока не подохнешь, – сообщил он дону Хуану, – а после этого твое место займет другой индеец. Ведь сейчас ты здесь тоже вместо индейца, который умер.

По словам дона Хуана, дом напоминал крепость. Повсюду были вооруженные мужчины с мачете. Поэтому дон Хуан принялся за работу, стараясь не думать о том, что его ожидает. Вечером вернулся управляющий и пинками погнал до-

на Хуана на кухню: ему не понравился вызов в глазах дон Хуана. Он пригрозил перерезать ему жилы на руках в случае неповиновения.

На кухне какая-то старуха принесла еду. Но дон Хуан был так расстроен и напуган, что не мог есть. Старуха посоветовала ему есть как можно больше. Она сказала, что нужно быть сильным, так как работе не будет конца. И еще она сообщила дону Хуану, что человек, место которого он занял, умер всего за день до этого. Он слишком ослаб, чтобы работать, и упал со второго этажа.

Потом дон Хуан рассказал мне, что в хозяйском доме он проработал три недели. Тот тип изо дня в день постоянно бил его, заставлял выполнять самую опасную и тяжелую работу, которую только можно представить. И все время угрожал ножом, револьвером и дубинкой. Ежедневно он заставлял дон Хуана чистить стойла в конюшне, когда в них стояли нервные жеребцы. И каждый день на рассвете дон Хуан думал, что настал последний день его жизни на земле. И то, что ему удавалось выжить, означало лишь новый круг ада на следующий день.

Развязка наступила неожиданно, когда дон Хуан попросил ненадолго его отпустить. Он сказал, что ему нужно сходить в город, чтобы отдать долг управляющему с сахарной фабрики. Однако местный управляющий заявил, что ничего не получится, ведь дон Хуан не может оторваться от работы ни на минуту, поскольку он в долгах по самые уши за воз-

возможность работать в доме.

И тут дон Хуан понял, что пропал. До него дошло, в чем тут дело. Оба управляющих были в сговоре. Они брали простых индейцев с фабрики, заставляли их работать до смерти, а зарплату их делили между собой. Догадка эта настолько разозлила дону Хуана, что он с воплем ринулся в кухню и через нее выбежал из дома. Для управляющего и остальных работников это было полнейшей неожиданностью. Выбежав через парадную дверь, дон Хуан совсем было поверил, что ему удастся убежать, однако управляющий догнал его и выстрелил ему в грудь. Решив, что дон Хуан убит, он ушел.

Однако дону Хуану не суждено было умереть в тот день. Его бенефактор подобрал его и выводил.

– Когда я рассказал бенефактору всю эту историю, – продолжал дон Хуан, – тот не мог скрыть своего возбуждения. Он сказал: «Да ведь этот управляющий – настоящий *подарок силы*. Он слишком хорош, его нельзя упускать. Однажды тебе предстоит вернуться в тот дом».

– Он что-то нес о том, насколько мне повезло, – говорил дон Хуан, – ведь это уникальный шанс – один из миллиона – мелкий тиран, обладающий неограниченной властью. Я же думал, что старик спятил. Прошли годы, прежде чем я смог наконец в полной мере понять, о чем он тогда говорил.

– Это одна из самых жутких историй из всего, что мне доводилось слышать, – прокомментировал я его рассказ. – И что, ты действительно вернулся в тот дом?

– Ну конечно же! Через три года. Бенефактор был прав. Подобный мелкий тиран действительно может попасться в одном случае из миллиона. И его нельзя было упускать.

– Но как тебе удалось туда вернуться?

– Мой бенефактор разработал стратегический план, в основу которого легли четыре атрибута образа жизни воина: контроль, дисциплина, выдержка и чувство времени.

И дон Хуан продолжил свой рассказ. Бенефактор объяснил ему, каким образом следует действовать, чтобы извлечь пользу из общения с людоедом вроде того управляющего. *Видящие* считают, что на пути знания имеются четыре основных шага. Первый – решение начать учиться. Второй шаг ученик делает тогда, когда ему удалось изменить свое отношение к себе самому и к миру. Ученик становится воином – это и есть второй шаг. Воин уже обладает железной дисциплиной и способностью к полнейшему самоконтролю. Третий шаг может быть сделан только после обретения выдержки и чувства времени. Заключается же этот третий шаг в том, что воин становится *человеком знания*. А когда *человек знания* обучается *видению*, он становится *видящим*, сделав тем самым четвертый шаг.

Бенефактор сказал, что к тому моменту дон Хуан находился на пути знания уже достаточно долго, чтобы обрести первые два атрибута – контроль и дисциплину – в минимально необходимом объеме. Для меня дон Хуан подчеркнул, что эти два атрибута относятся к внутреннему состоянию. Воин

ориентирован на себя, однако не эгоистически, а в смысле непрекращающегося и возможно более глубокого изучения своей сущности.

– Но я в то время совсем не владел двумя другими атрибутами, – продолжал дон Хуан. – Выдержка и чувство времени имеют отношение не только к внутреннему состоянию. Они относятся к сфере *человека знания*. И при помощи своей стратегии бенефактор раскрыл их передо мной.

– Означает ли это, что самостоятельно ты не смог бы справиться с мелким тираном? – спросил я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.